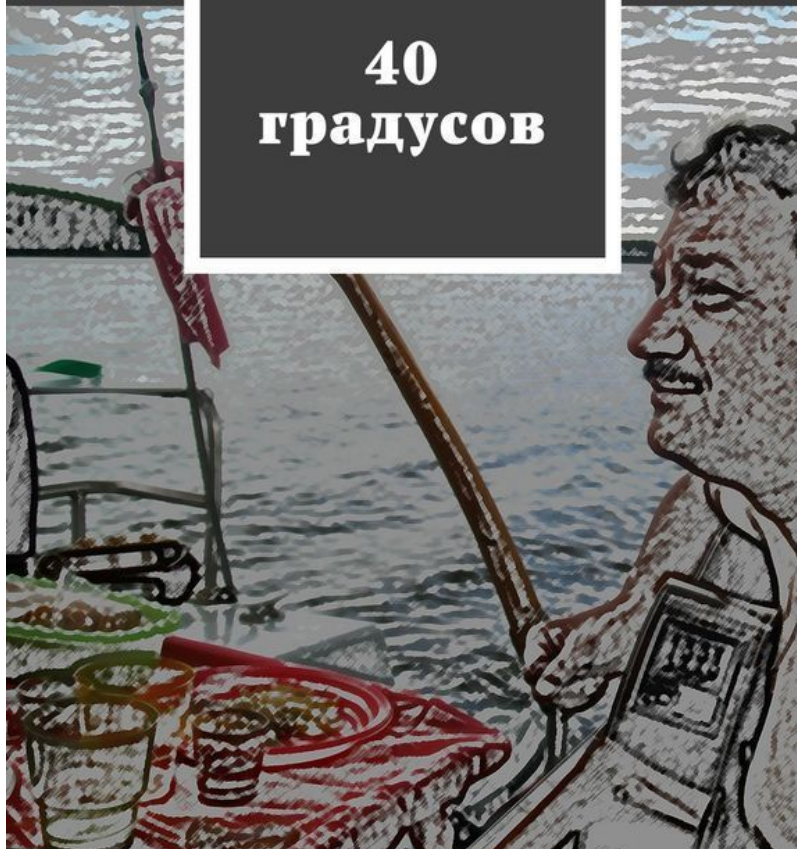

Эдуард Коридоров

---

40 градусов

Эдуард Коридоров

40 градусов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11008696

ISBN 978-5-4474-1355-2

Аннотация

Все, о чем вы здесь читаете, случилось на самом деле. Почти ничего не придумано и не приукрашено. Почти. Разве что некоторые имена изменены.

Однако это вовсе не мемуары. И не сборник анекдотов. Это попытка пережить заново то, что давно лежит на душе.

Попытка со стороны взглянуть на себя, одурманенного выпивкой чудака, которого в море житейском швыряло от высокого к низкому, от смешного к грустному, от находок к утратам...

Содержание

От автора	5
Эйфория и отчаяние	7
Бессилье мастеров и сила подмастерьев	16
Немецкий дух и русские утраты	23
Удача и невезение	31
Народ и власть	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

40 градусов

Эдуард Анатольевич Коридоров

*Посвящается Андрею Ивановичу Грамолину,
лучшему моему другу и собутельнику, и Екатерине
Николаевне Долговой, в доме которых и родился
замысел этой книги.*

© Эдуард Анатольевич Коридоров, 2015

© Надежда Григорьевна Махновская, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

От автора

Эта книжка написана из корыстных соображений.

Во-первых, с годами все чаще начинаешь повторяться. Одним и тем же людям рассказываешь одни и те же истории. Надо бы с этим покончить раз и навсегда.

Во-вторых, автор – человек много пьющий и пока не собирающийся «завязать». Мне хотелось уверить самого себя в том, что хотя бы часть когда-то выпитого была выпита не зря.

Все, о чем вы здесь читаете, случилось на самом деле. Почти ничего не придумано и не приукрашено. Почти. Разве что некоторые имена изменены.

Однако это вовсе не мемуары. И не сборник анекдотов. Это попытка пережить заново то, что давно лежит на душе. Попытка со стороны взглянуть на себя, одурманенного выпивкой чудака, которого в море житейском швыряло от высокого к низкому, от смешного к грустному, от находок к утратам.

Возможно, именно водка не давала мне отчаяться и уто-

нуть. Она – спасительный мостик между двумя берегами, союз «и» между крайностями. Она – прибежище слабых. Но ведь слабым быть не стыдно, если вокруг буря, и она заведомо сильнее тебя. Иногда стыдно быть трезвым, расчетливым и шустрым.

Впрочем, каждый оправдывает свои дурные привычки по-своему. Да и книжка эта – не оправдание, а память о прошедшем и канувшем, какая ни на есть.

Эйфория и отчаяние

Во всем должна быть золотая середина.

Крайности – вредны.

Они ломают людей, жизнь ломают.

Скажем, в обычном среднестатистическом плохом настроении человек еще терпим. Он криком кричит, стоном стонет, воплем вопит – но хуже делает только одному себе.

А когда человек переступил черту, впал в депрессию, всем вокруг надо срочно все бросать и с ним, дураком, возиться.

Та же картина маслом, если рассматривать пребывание человека в обычном хорошем настроении – и в эйфории.

Очень часто опасными дураками становятся, впад в эйфорию посредством активного употребления спиртных напитков.

В радиокompании «Студия Город» народ любил корпоративно выпить. Радиокompания располагалась в главном городском здании, бок о бок с депутатами и чиновниками. По-

этому, чтобы не стеснять отцов города широтой корпоративной души, радищики дожидались окончания регламентированного управленческого рабочего дня – а уж потом гуляли.

На первой же такой гулянке с моим участием я впал в эйфорию.

Оно и неудивительно, поскольку в ту пору меня неожиданно унесло из журналистов в деятели PR. Сидел я в том же главном городском здании скучным аппаратчиком, производителем инвалидных от рождения пресс-релизов. А бывшие коллеги продолжали жить весело и плевать хотели на политические страсти и интрижки.

И вот гуляем мы вместе с радиокompанией. Славка Буторов мне водку наливает, Коля Порсев со мной чокается. Кто-то откуда-то гитару вынул, мне в руки сунул. Я пою-заливаюсь, девушки радищные глаз с меня не сводят. А Таня Анисимова все песни заказывает.

– А на окне наличники! – надрывно голосим мы с Таней. – Гуляй да пой, станичники!

Хорошо мне стало. До того хорошо, что невозможно сиднем на месте сидеть, столбом стоять, песни без конца петь.

Славка мне еще раз налил, Коля еще раз чокнулся – и пошел я вдруг по коридорам власти гулять бесцельно, пустыми руками размахивая.

И ведь обязательно в такие моменты что-то возьмет и прыгнет под руку. Иду, смотрю – отвертка лежит. В другой бы раз не заметил. А тут – как будто ее и разыскивал.

Взял отвертку, иду дальше. А чего бродить-то? Все вокруг казенное, одинаковое. Прямо – коридор власти, справа-слева, за инкубаторскими дверями, – кабинетки. На дверях инкубаторские же таблички.

«Орготдел». «Отдел приватизации жилья». «Управление работы со входящей документацией». И прочая ахиня.

Не всегда мы вольны в своих действиях. На графоманов, к примеру, очень часто нисходит вдохновение, и сам господь создает их руками малограмотные, но многочисленные творения. В тот момент, в тот гулкий вечерний час я был категорическим придурком, руками которого любой вдохновитель мог сострять что угодно.

Очень сомнительно, что моими дальнейшими действиями заведовал господь бог или другая какая добрая сила.

Возможно, вдохновитель тоже, со своей стороны, пребывал в пьяной эйфории.

Сомнамбулой подошел я к первой двери и шустро открыл отверткой табличку. Аккуратно положил ее в невесть откуда взявшийся пакет. Затем двинулся к соседней двери. Затем к следующей. И не успокоился, пока не осиротил двери всех кабинетов на длиннющем этаже.

Твердо знаю, что делал я это, оставаясь совершенно равнодушным к своему нетривиальному занятию. Я вообще думал о чем-то другом. Было мне свободно и беспечно. Наполнив пакет табличками, я тут же забыл о них и вместе со всем этим скарбом притащился обратно – туда, где брэнчала гитара и осипшие собутыльники безуспешно пытались построить многоголосие.

Следующий акт этой драмы имел место быть той же ночью в квартире Тани Анисимовой, в присутствии ее мужа Сереги. Шатаясь от пережитого, располагаемся мы на тесной, как положено, кухне, чтобы продолжить празднование. У нас с собой, конечно, было. Ставлю я на стол пакет, в котором и должно было быть, а Серега, мечтающий нас догнать в развитии, лезет внутрь нетерпеливо. И тут глаза Сереги округляются. Потому что в пакете – все таблички с четверто-

го этажа главного городского здания. И что они делают в пакете, а тем более у Сереги дома – никому непонятно.

Я честно дал ответы на все поставленные передо мной вопросы. Суть своей недавней инициативы я изложил быстро и четко. Правда, на вопрос: «Зачем?» – ответа у меня не было.

Отчитываясь перед коллегами о проделанной зачем-то работе, я улыбался, как идиот, и временами даже прихохатывал, а один раз пустился в пляс, помахивая отверткой.

– Ты что, не понимаешь, что ты натворил? – серьезно спросил меня Серега, как маленького. – Он не понимает, что натворил.

Я не понимал. Но уже начал понимать, что недопонимаю чего-то крайне важного.

– Ну, ты представь, – начал мне объяснять Серега, как маленькому. – Утро. Зима. Темно. Холодно. Чиновники пришли на работу. Они тоже люди, им с утра плохо. Чиновник на автопилоте достает ключ, начинает открывать родной кабинет. И шестым полуотмороженным чувством чувствует – что-то не то. И весь в холодном поту осознает, что у него с двери сняли табличку.

– Ужас, – бледнея, выдавливаю я.

– Не то слово, – с металлом в голосе произносит Серега. – Потому что в холодном поту одновременно окажутся 58 чиновников. Если бы табличка пропала у одного – это ладно. Они бы над ним посмеялись и забыли. Одного пнули – это не повод для коллективного сумасшествия, тем более в такой серьезной конторе. Это повод для радости, что не тебя пнули. Но когда сразу 58 уволенных... Люди загнаны в угол. Они не поверят никаким объяснениям и пойдут на все. Город в опасности.

– Ужас! – я из эйфории стремительно падал в противоположную крайность.

– Надо что-то делать, – предположила практичная Таня Анисимова. – Но что?

Мы задумались. Медленно и как-то индифферентно нарезались помидорчики и огурчики, отрешенно наполнялись и осушались рюмки. Мы погрузились в размышления, но выхода из тупика не видели.

Часам к пяти утра Серега, догнав нас в развитии, взорвал тишину мощным возгласом:

– Иван!

На кухню приплелся, позевывая и часто моргая, сын Тани и Сереги, школьник Ваня.

– Матрос! Ты один среди нас еще подаешь какие-то надежды, – сказал ему отец. – Возьми этот пакет. Возьми отвертку. Возьми деньги. Садись в такси и поезжай в главное городское здание. Найди там четвертый этаж – не перепутай. Твоя задача – прикрутить таблички обратно. Это важно. Возможно, это спасет нас от великих потрясений. Они нам не нужны. И гляди, в школу не опоздай.

По виду Вани нельзя было сказать, что он считает отца авторитетным наставником. Но что-то в Серегином тоне подтолкнуло Ваню быстро собраться и двинуться в путь.

Мы проводили его, тепло закутали, дали школьный портфель, вторую обувь и дополнительных денег на мороженку.

– С богом, – сказала Таня.

Часов до семи мы предметно обсуждали эволюцию Ваниной личности, его неоспоримые достоинства и, в частности, его трудолюбие и сыновнюю преданность.

После этого, усталые, мы легли часок поспать.

К полудню я прибыл на работу.

Обитатели главного городского здания жужжали, гудели, трещали, дребезжали, как насекомые. Плотный пчелиный гуд сгустился под высокими сводами здания. Чиновники, сверкая ботинками, беспорядочно бегали по лестницам и коридорам, сталкивались друг с другом и, пожужжав секунду, продолжали отчаянное, непроизводительное движение. Из окон никто не выбрасывался, но многие обезумевшие пчелы, похоже, об этом уже начинали подумывать: они по очереди подлетали к окнам и с тупою тоской смотрели на улицу.

Я помчался на четвертый этаж.

Здесь было плохо. Коридор заполнили тюки, предметы мебели, связки макулатуры, штабеля папок и книг. Унылые, ничего не соображающие люди переносили все это с места на место со слезами на глазах.

Нет, Ваня не подвел. Не зря мы за него пили все утро. Таблички были добросовестно прикручены.

Но Ваня, конечно же, понятия не имел, какую табличку вешать на какую дверь. Он прикрутил таблички, руководствуясь незрелой еще мальчишеской интуицией.

Теперь 58 чиновников осуществляли странный, необъяснимый, унижительный переезд. Многие десятки их коллег тревожно жужжали о том, не поджидает ли их самих завтра такая же неприятность.

Посреди этого разгрома я столкнулся с Колей Порсевым. Он один здесь улыбался светло и широко.

– Старик, – сказал Коля, – в нашем пьянстве есть неоспоримая сермяжная правда. Вот гляди – тут все потеряли кресла под задницами и носятся, трезвые, злые и озабоченные. Нервные клетки гибнут миллиардами и безвозвратно. Задницам от этого не легче. А вот я потерял вчера импортную отвертку, – мне ее наши кулибины займы дали, – так я чего? Выпил с горя, и полыхай она синим пламенем. Не хочешь остограммиться?

Я хотел.

Бессилье мастеров и сила подмастерьев

На мероприятие все мужики словно сговорившись были в состоянии отвратительном, малоработоспособном.

Предстоял переезд. Наша небогатая редакция постоянно кочевала по городу. Раз в год у нас обязательно иссякали финансы, и мы переезжали на более дешевые квартиры.

Редакционные женщины весело и споро паковали вещи, укладывали сумки. Мужская часть коллектива, запинаясь о землю, таскала вниз, к грузовичку, разнокалиберный скарб. Мужчины дружно мучились с похмелья. Оно в равной мере колотило и кряжистого зав. отделом культуры Альфреда Гольда, и поджарого многостаночника Анатолия Джапакова.

Пережить ужас трудовой повинности помогали крепкий морозец и ясное осознание того, что в финале мероприятия женщины накроют стол и спасут мучеников.

Мы забили грузовичок тюками, выдавшей виды мебелью. Полдела было сделано. Слегка кренясь, труженики пера

устремились в порт новой приписки.

Это был памятник архитектурного конструктивизма начала тридцатых годов. Новое обиталище редакции располагалось высоко, на последнем, пятом этаже. Лестничные пролеты были неимоверно узкими и крутыми. Сизиф, стоя у подножия горы, испытывал те же самые чувства, что и мы.

Делать было нечего. Пришлось работать.

Всех объединил героический порыв. На пятый этаж обреченно карабкались, волоча поклажу, и убеленный кое-какими сединами ответсек Юрий Дорохов, и я, только-только отбывший университетский срок. Организм каждого из нас, независимо от возраста, бешено сопротивлялся. По всему зданию разносились каторжные звуки – пересвист легких, сиплый кашель, почти предсмертное кряхтение, звон невидимых цепей. По лестничным пролетам клубился дико исторгаемый нами перегар.

Руки инстинктивно брали там, у подножия, то, что полегче. Каждый подъем казался последним.

И вот на снегу у подъезда осталось лишь то, о чем не хотелось ни говорить, ни думать. Огромный, монументальный черный диван. Широченный, явно нетранспортабель-

ный стол, за которым обычно проходили общие летучки. И венцом всему – пианино. Вещь абсолютно ненужная, отвлекающая от ежедневной добросовестной работы, приبلудная, чуждая вещь.

Мы молча собрались внизу и молча закурили. Ощущение было такое, что стоим мы на кладбище среди многотонных угрюмых надгробий.

– Цирк! – произнес свое любимое словечко Джапаков, озирая окрестности.

– Нет, это нереально, – сказал Гольд. У него за плечами было освоение тюменского Севера, он знал, что говорил.

Наверху открыли форточку. До нас донесся радостный женский щебет. Звякали рюмки. Готовился праздник. Но попасть на праздник у нас шансов не было.

И тут я заметил неподалеку жалкую, скрюченную фигурку. Моментально оформилась спасительная мысль.

Вокруг каждой уважающей себя редакции имеется круг самодеятельных авторов, претендующих на опубликование того или иного бреда. В большинстве своем это люди сумасшедшие, тихие шизофреники. Они годами могут носить

опусы на одну и ту же, милую их сердцу тему. Они досаждают своими визитами, звонками, униженными просьбами. Но рано или поздно оказывается, что в номер сегодня и сейчас не хватает 150 строк – и вот причесанный, перекроенный, на скорую руку обработанный бред сумасшедшего выходит в свет. Что придает новые силы всему их сообществу.

Я поманил пальцем нашего преданного графомана. Он вприпрыжку понесся навстречу.

– А мне сказали – вы переехали! – затараторил он. – Я туда – а вас нет, я сюда – а вы здесь!

Дорохов пихнул меня локтем: сумасшедший, непрерывно тараторя, уже лез в свой портфельчик, нашаривал в нем очередное сочинение. Этого допускать нельзя, подсказывал опыт, иначе придется битый час обсуждать с автором все его идиотские абзацы и фразы. Коллеги это понимали и с замиранием сердца следили за развитием событий.

Выследивший нас графоман помешан был на истории подводного флота страны. Он знал все круглые и некруглые даты героев-подводников. Как только дата подходила, он переписывал из энциклопедии соответствующую статью и тащил ее нам.

– Подводник? – сурово спросил я сумасшедшего, кивая на портфельчик.

Тот еще активнее залез безил, забормотал, засуетился и через секунду робко тыкал мне в грудь пачкой густо исписанных листков.

– Мы возьмем, – сказал я. – Возьмем, если вы поднимите все вот это вот к нам, на пятый этаж.

Сумасшедший бегло, без интереса бросил взгляд на придавившие нас надгробия. Ни страдания, ни сомнения, ни возмущения – ничего этого не отразилось на его физиономии. Он осекся на полуслове и тут же испарился.

– А что, хороший способ давать им от ворот поворот, – грустно пошутил Джапаков. – Давайте оставим это барахло здесь, чтоб шизофреники боялись.

Мы закурили еще по одной. Нет, остатков сил не хватало, трясущиеся конечности отказывались брать и нести.

И вдруг возле пианино, стола и дивана материализовался герой-подводник в компании с еще несколькими редакционными сумасшедшими.

– А у них возьмете? – осведомился он.

– Возьмем и у них, – уверенно ответил я.

Тогда я впервые убедился в фантастических способностях умалишенных. Графоманы, все как на подбор, были низкорослыми, ледащими, убогими. Но ими двигало что-то, что было сильнее их. Диван буквально взлетел в воздух и поплыл вверх по лестнице.

Мы уже праздновали переезд, когда бригада добровольцев, отдуваясь, взгромоздила на пятый этаж пианино. Теперь добровольцы выстроились у стены, нянча рукописи, как роженицы – младенцев. Их красные лица лучились восторгом победы. Их позы были трогательны в своей торжественности.

Такое количество бреда невозможно было напечатать в ближайших номерах. Чтобы избавиться от чувства вины, я отвел графоманов в отдельный кабинет и там выпил с ними бутылку водки. За выпивкой мы подробно обсудили все их творческие пунктики. Принесенные материалы прозвучали в авторском исполнении, некоторые – неоднократно. Это, вкупе с ожиданием главного счастья, тоже стало частичкой их праздника.

Статейки были мало-помалу опубликованы. Сумасшедшие продолжали являться, уточняли, когда же, наконец, напечатаем, кротко упрекали за долгие проволочки.

Но ни один из них не напомнил нам, нарушителям обещаний, о своих геракловых подвигах.

Немецкий дух и русские утраты

Знакомые сбагрили мне любознательного немца Руди. Он приехал изучать архитектуру советских городов. Я не мог от-вертеться. Все знали, что я свободно общаюсь по-немецки.

Руди оказался классическим, правильным немцем, адеп-том пунктуальности и порядка. Каждый божий день точно в оговоренный час он ждал меня в назначенном месте с рюкза-чком за плечами и с фотоаппаратом в руках.

– Привет, Руди! – бурчал я, мучительно, как оно часто бывает с утра, вспоминая чужие слова. – Надеюсь, ты хорошо отдохнуть?

– Хорошо! – лучезарно улыбался немец. – Мы можем ра-ботать!

– Никакая работа не волк, – назидательно формулировал я. – Она не бегаёт в лесу.

Руди обладал феноменальной работоспособностью. Он как заведенный, без перерыва на обед, носился по городу и щелкал фотоаппаратом. И задавал тысячу вопросов, как будто я призван был знать историю каждого здания, год его

появления на этой улице и характеристики стройматериалов.

Ему действительно интересно было у нас в городе. Полным ходом шла повальная замена углых исторических особнячков на стеклобетонный новострой. Центр города умирал в муках. Хозяева жизни рушили купеческие подворья, выстроенные когда-то с любовью, тщанием и знанием дела, и возводили узкоплечие высоченные офисные бараки. Им предстояло плыть дальше, к потомкам. Руди очень удивлялся, как горожане позволяют сносить памятники старины.

– Это же слишком дорого, слишком неразумно, – говорил прагматичный немец, поднимая брови. – Город теряет лицо. Теперь для туристов нужно будет строить что-то другое.

– Построят, – успокаивал я его. – Диснейленд, аквапарк, гипермаркеты.

– Но это уже есть в других городах, – не унимался Руди.

– Ну вот, а теперь и у нас будет.

Три дня пролетели как одна минута. Я махнул рукой на приличия и хмуро плелся за немцем, не утруждая себя развернутыми ответами на его реплики. Солнце пекло так, что я на 90% состоял теперь из ноющих потрохов и непри-

язни к трудолюбивому гостю.

– Руди, – время от времени взывал я. – Не хочешь ли ты мочить горло?

– Надо закончить нашу работу, – приветливо откликнулся Руди. – Не следует откладывать на завтра то, что стоит в планах на сегодняшний день.

Я чертыхался, кусал губы, локти и боролся с желанием укусить немца за его веснушчатый нос. Ничего нельзя было поделать. Отщелкав очередные руины, Руди задирает нос к небу, втягивал воздух, между делом ловил в кадр мою мрачную физиономию и радостной гончей устремлялся в новом направлении.

– Теперь мы закончили, – объявил наконец он. – Работа сделана. Мы должны это немного отпраздновать.

К тому времени внутри меня крутились самумы, поднимая тучи песка. Я провел горячим языком по растрескавшимся губам и ринулся к киоску. Затем, получив восемь бутылок ледяного пива, устремился к парку. Теперь уже Руди встревоженно семенил за мной, придерживая болтающийся фотоаппарат.

Я смог дать немцу какие-то объяснения не раньше чем выпил две бутылки пива. Руди тоже боязливо, оглядываясь по сторонам, сосал пиво из горлышка.

– Русская традиция, – прохрипел я, отдуваясь. – Мы любим пиво на свежий воздух. Из этого тело получает большую радость. Здесь мы будем делать наш маленький праздник.

– У нас не будет неприятностей с полицией? – спросил Руди.

– Ты должен быть всегда спокойным, пожалуйста, – сказал я. – Наша полиция сама охотно любит пить пиво через парк.

Руди послушно расслабился, и в нем сразу выиграло национальное самосознание. Он принялся вливать в себя пиво, как в бездонную бочку. Я не мог за ним угнаться.

– Хорошо, – сказал он, – отдыхать в парке. Здесь легко дышится, и можно выпить очень много пива.

– Да, можно, – благодушно согласился я.

– Однако, скоро нужно будет идти в туалет, – продолжал Руди. – Скажи, пожалуйста, где он находится?

Я рассмеялся.

– Видишь ли, Руди, здесь туалету не бывать.

– Как? – изумился немец. – Если здесь пьют пиво, то должен быть туалет. Иначе куда же ходят люди?

– Куда? – весело переспросил я. – Очень просто. Мы прячем тело в деревьях. Хочешь, пойдем вместе, я буду тебе это показывать.

Руди изо всех сил замотал головой. Прятаться в кустиках было для него совершенно невозможно.

– Это же не экологично! – воскликнул он. – Это убивает вашу природу!

Тем не менее я благополучно там побывал и в отличном расположении духа вернулся к немцу. Он побледнел, его бил мелкая дрожь.

– Кажется, я сейчас не выдержу, – простонал Руди. – Одно движение, и будет беда.

Я почувствовал, что отмщены все мои мучения последних дней.

– Не бояться, – великодушно напомнил я немцу о единственной возможности избежать беды. – Не бояться, ходить в деревья прятать свое тело. Так охотно делает каждый русский, кто любит пиво на свежий воздух. Мы имеем много природы, чтобы ее не жалеть.

Руди молчал, скукожившись и, видимо, пережидая спазм.

– Как я могу уехать отсюда в гостиницу? – сдавленно спросил он.

Я показал, где находится трамвайная остановка, и немец сиганул прочь из парка.

– Мы еще увидимся! – прокричал он. – Я должен поблагодарить тебя за время, которое ты мне уделил.

На следующий день у нас в редакции случился пожар. Точнее, горело соседнее помещение, но и нам мало не показалось. Все, что было внутри, покрылось жирным слоем сажи. Мы открыли все окна и принялись наводить порядок, не зная, за что взяться в первую очередь. Ветер перебирал на полу черные листы бумаги. Кто-то, справившись с первым потрясением, сбегал за водкой, и спустя часок мы уже весело обсуждали случившееся, собравшись у стола, застеленного

чистой газеткой.

В разгар веселья в редакции появился Руди. В руках у него были букет цветов и бутылка шампанского. Он остолбенел, озирая прокопченные стены, гроздья сажи, свисающие с лампочек, и нас, шумно празднующих великую утрату.

– Я пришел поблагодарить тебя за время, которое ты мне уделил, – пробормотал Руди, вежливо не задавая вопросов, которые могли оказаться лишними.

– Руди, – позвал я его, – у нас тут огонь уничтожил редакцию. Мы хотели бы за это пить вместе с тобой шампанское.

Немец подошел к нашему столу и все не мог успокоиться – разглядывал почерневшую редакцию. Он принял стакан с шампанским, вздохнул и сказал по русски:

– Отшень жал.

А потом сразу засобирался уходить.

По-моему, ему и сейчас невдомек, почему эти странные русские смеялись и шутили на пожарище.

Нет, не понять нас холодным, благовоспитанным запад-

НЫМ УМОМ, НИКАК НЕ ПОНЯТЬ.

Удача и невезение

Страшно гордый собою, ехал я в незнакомый город Челябинск, в первую свою журналистскую командировку.

Андрей Иванович Грамолин, зам. главного редактора журнала «Урал», послал меня на симпозиум атомщиков. Вручил мне документ с лиловыми печатями и совсем немножечко денег.

– Ты на симпозиуме штаны не просиживай, – напутствовал меня Грамолин. – Твоя цель – интервью с директором объединения «Маяк». Того самого, где в пятидесятые годы взрыв случился.

Я об этом взрыве слышал. Знатный был взрыв. Радиоактивный след протянулся через весь Урал, на сотни километров.

Поздно вечером я оказался в Челябинске. Справедливо рассудив, что гостиницы обязаны находиться где-то неподалеку, уверенным шагом я отправился от вокзала куда глаза глядят.

Гостиницы тогда были удовольствием, недоступным для

простых смертных. Но я имел у сердца бумагу с лиловыми печатями. И верил в удачу.

Она тихонько посмеивалась надо мной. Первым на моем пути вырос самый недосягаемый и даже запретный бастион – гостиница «Интурист», предназначенная для приезжих из-за рубежа. Вообще-то, в 90-е годы появление иностранца в уральском городе всегда было сенсацией. Тем не менее гостиницу для них возвели мощную, многоэтажную. Парадный вход украшала традиционная советская табличка: «Мест нет».

Я храбро прошел внутрь, где меня сразу же подхватил какой-то администратор. Он сыпал междометиями, восклицаниями и вопросами, будто только что вырвался из одиночного заключения. Я важно кивал в ответ.

– Вы, ради бога, простите! – кричал администратор. – В вашем номере нет телевизора! Ради бога! Сломался! Извините! Починят! Обязательно!

Мне сунули в руку ключ от номера и впихнули в лифт. «Не может всего этого быть, – размышлял я, поднимаясь в лифте. – Просто не может быть. Должно быть, меня с кем-то перепутали».

Когда двери лифта распахнулись, я увидел бегущих ко мне со всех ног администратора и милиционера. Я вздохнул и нажал на кнопку первого этажа.

Так оно и вышло – правда, перепутали.

К середине ночи, продрогший и отчаявшийся, я вымолил себе койку в густонаселенной гостинице школы милиции. За несколько часов сна пришлось отдать почти все командировочные. Койка ждала меня в огромной комнате. Здесь, как мне показалось, храпела рота курсантов (утром выяснилось, что это шесть майоров милиции). Упав на влажную простынь, я долго еще ворочался. Спасался от клопов, поднявшихся в атаку на новенького.

Мне снилось, будто я, навеки застряв в Челябинске, кланчу милостыню возле «Интуриста».

Подавленный сновидением, с утра я разработал решительный план дальнейших действий. Пробыться на симпозиум, во что бы то ни стало отловить директора «Маяка», немедленно взять у него интервью – и домой, домой.

Остаток денег ушел на завтрак. Мосты были сожжены. Но удача продолжала нагло мне изменять.

Сколько ни возмущался я, как ни потрясал бумагой с печатями, на симпозиум меня не пустили.

– Вас нет в списках, – с некоторой жалостью в голосе сказала распорядительница.

Я попробовал разжалобить ее. Подробно поведал о своих злоключениях. Приврал, что от интервью с директором зависит вся моя судьба и карьера.

– Вот он, ваш директор, – весело откликнулась на мою печаль распорядительница и указала на низенького пузатого дядьку в ярком галстуке. Дядька важно вышагивал, задумавшись о чем-то государственном, а за ним семенила целая свора участников симпозиума, а может, таких же, как я, искателей интервью.

Все, чего я добился от распорядительницы, – это название гостиницы, которой выпала честь разместить у себя директора. В великой досаде нашел я гостиницу, узнал номер покоев директора, поднялся к нему на этаж и устроился в фойе у лифта. Стал ждать.

Прошло много томительных часов. Я извертелся в мягком кресле, прочел все газеты. Безбожно хотелось спать, но я крепился.

Наконец двери лифта распахнулись, и оттуда выкатился уже знакомый мне пузатый дядька в компании с двумя столь же яркими, судя по галстукам, деятелями.

Я бросился в ноги к директору, стеля о жизненно важном интервью.

Директор вежливо обогнул мою согбенную фигуру и, обернувшись, пояснил:

– Ты уж извини, парень. Не могу. День рождения у меня сегодня.

Троица, оживленно разговаривая, протопала по длинному коридору и втекла в номер. Громко щелкнул замок.

Оглушенным, выпотрошенным, измученным, разуверившимся стоял я посреди пустого фойе.

Как вдруг...

Меня осенило. Я вспомнил, что взял с собой в командировку бутылку водки. Так, на всякий случай. Это же у нас жидкая валюта.

Я выхватил из сумки бутылку и забарабанил в директорский номер. И как только выглянул директор, я шагнул внутрь, протянул ему водку и звонким пионерским голосом отчеканил:

– С днем рождения!

Это была фантастическая удача. Вместе со мной директора поздравляли министр атомной промышленности СССР и его заместитель. И все трое, желая уважить меня за проявленные смелость и находчивость, свободно отвечали на любые заковыристые вопросы.

Диктофоны в те времена у нас еще не водились. Я лихорадочно записывал все услышанное в блокнотик. И, конечно, пил с мужиками. Записывал и пил. Пил и записывал.

Очнулся я на челябинском железнодорожном вокзале. Наскреб денег, купил обратный билет.

Мало-помалу припомнил вчерашние события и выдернул из кармана блокнотик.

Его листки были украшены ломаными зигзагообразными линиями, которые ровным счетом ничего не могли сообщить пытливому читателю. Только первые две-три страниц-

ки можно было с грехом пополам расшифровать.

Сидя в вагоне, я напрягал затуманенный мозг, силился воспроизвести многочисленные вопросы-ответы. Помнил, что разговор у нас шел очень важный, острый и интересный. Смутно помнил, о чем шел разговор. А вот что именно мы говорили, хоть убей, оказалось начисто смыто из памяти.

Кое-как смастерив текст интервью, я предстал перед Грамолиным.

– Получилось? – удивился Андрей Иванович. – Ну, молодец. Давай почитаем.

Я дал. И пока Грамолин, вчитываясь, хмурил брови, у меня из рукава на редакторский стол выполз еле заметный, прозрачный клопенок. Он приехал со мной из Челябинска. Но ему явно не повезло. Я смахнул его на пол.

Народ и власть

На излете двадцатого века поезд отечественной демократии почти скрылся в черном тоннеле имени Гайдара и Чубайса. В заплеванных тамбурах еще курили и спорили о судьбах страны голозадые энтузиасты. На полустанках местные миноритарии пытались столкнуть пассажирам чайники, посуду, хрустальные вазы, матрасы, постельное белье, тазы, ведра, электроприборы, стройматериалы – продукцию родных своих предприятий. Чиновничество, закаленное в боях с электоратом, сидело в купе, гоняло чай, читало прессу, ожидало перемен.

Об эту самую пору задумал я эксперимент – стать депутатом городской Думы, опираясь исключительно на собственные силы и деньги. Я успел уже потрудиться в избирательных штабах, рассмотрел нехитрую эту механику изнутри. Кстати, и заработал немного. Но, видимо, еще не избавился от иллюзий. Я твердо решил, что, ступив на стезю большой политики, депутатом буду честным, неподкупным, неудобным для чиновников, чего бы мне это не стоило.

Однако сперва требовалось, чтобы мои избиратели выдвинули меня кандидатом в депутаты. Я столкнулся с трудностями уже в этом плевом, в общем-то, деле. Взял бутылку,

пошел агитировать соседа. Сели на балконе. Сосед пил большими глотками, жмурился на летнем солнышке, артачился, критиковал власть. Настрочил в конце концов нужную бумагу, но настроение испортил.

Я стал вспоминать, кто из друзей живет поблизости. Вспомнил: Коля Порсев.

Он работал вместе со мной на городском радио, он с ужасным уральским акцентом вел туристическо-рыбацко-уфологические программы. Летом Коля пропадал, совмещая производственные запои с турпоходами.

Я призадумался, стоит ли звонить Порсеву. Несмотря на добродушный характер, он мог дать отказ. У него были свои счеты с властью. В незапамятные годы, в молодости, Коля в нетрезвом виде помочился на угол здания городского Совета народных депутатов и был за этим занятием пойман милицией. А затем выставлен из областной комсомольской газеты и сослан на периферию, где полюбил природу, уфологию и алкоголь.

– Старик, без вопросов, – ответил по телефону шестидесятник Порсев. – Я бы и сам в Думу рванул, но времени нет. Завтра идем на сплав по реке Белой. Река трудная, старик. Порожистая. Заходи через недельку, все подпишу, что надо.

Недели три я топтался у двери Порсева. Срок выдвижения был на исходе. Стоя под дверью, я представлял, как Коля сплавляется по реке Белой. Как, отмахиваясь от комаров, сидит у костерка, над которым сыто побулькивает котелок с ухой. Расчетливыми, матерыми движениями управляет байдаркой. Привольно раскинув руки, выдыхая самогонные пары, спит в маленькой выдавшей виды палатке.

Низенькая, плотно сбитая, круглоголовая фигурка Коли Порсева выростала в моем сознании в символ российского народа, весело и с пользой проводящего лето, невзирая на всякие там эпохи и поветрия. Народ в лице Коли не удосужился прервать ради меня свое летнее забытьё. Значит, не нужны и не важны ему на данном историческом этапе честные, неподкупные депутаты. Народ всегда прав. И следовало бы мне успокоиться, отогнать мысли об эксперименте и, возможно, влиться в ряды соотечественников, братающихся с летней природой.

Но все-таки по установившейся привычке я продолжал время от времени посещать Колин подъезд. Дежурная, предназначенная для Коли «чекушка» оттягивала внутренний карман куртки.

Было раннее чистое утро, когда за дверью Порсева я услы-

шал невнятные звуки. Минут пять в ответ на мои настойчивые звонки слышалось слабое болботанье и шарканье, будто обитатель квартиры заблудился и силился припомнить путь к двери. Наконец она распахнулась. На Колином багровом расплывшемся лице ярко выделялся сизый нос, глаза потонули в набрякших складках. Из квартиры шибануло тяжелым, едким, тошнотворным запахом.

– Вчера вернулись со сплава, отметили. Река была трудная, старик. Порожистая, – проскрипел Коля. – Надо подлечиться, старик.

Мы прошли на кухню. Эпицентр едкого запаха был именно здесь. Сногшибательные волны его выталкивались из огромной кастрюли, в которой бурно кипело серого цвета варево. Из недр кастрюли показывались измочаленные хвосты и разинутые пасти каких-то чудовищ – и вновь уходили на дно.

– Берешь много рыбы, – пояснил Коля. – Делаеть крепкий бульон. С похмелья – самое то. Будешь?

Я отказался.

Порсев слегка расчистил стол, мы почали принесенную мною «чекушку» и приступили к делу.

Требовалось от руки написать длинное заявление в избирательную комиссию.

– Ты, Коля, не торопись, – посоветовал я. – Пиши медленнее. Ошибешься, циферку какую-нибудь не ту поставишь, букровку пропустишь – придется начинать заново.

Коля послушно склонился над листком. Шариковая ручка выглядела инородным телом в его толстых задубевших пальцах. Он потел, унимал похмельную дрожь, старательно выводил букву за буквой.

Я заметил вдруг, что лысая голова Порсева испещрена мелкими черными бугристыми точками.

– Что это у тебя с лысиной, Коля?

– Понимаешь, старик, – пропыхтел Порсев. – Пристали мы к берегу. Разбили лагерь. Река порожистая. Берега обрывистые. Красота кругом. Выпили немного. Пошел я берегом. Встал на краю обрыва. Внизу река шумит. В морду ветерок задувает. Внутри силы пробуждаются, кровь играет. Дай, думаю, нырну в реку прямо с обрыва. Как в кино. Или я не мужик? Скинул штаны, рубашку. Разбежался, да как прыгну. Ласточкой, отвесно вниз. Лечу, только свист в ушах.

Ну, метров, наверно, двадцать до реки не долетел. Не рассчитал чуток. А там шиповник растет. Джунгли. Вот я по этим джунглям носом вперед и проехался. Недели две уже колючки из головы лезут.

Ведя рассказ, Коля отнюдь не ослаблял внимания к нелегкому своему занятию. Брови Порсева взлетели далеко вверх да так и застыли, слезящиеся глаза почти не моргали. Скоро весь лист бумаги покрыт был бисерными закорючками. И вот осталось лишь расписаться под заявлением.

Мы налили по последней, выпили, занюхали хлебушком.

– Удивительно устроено все в нашей стране, – сказал Коля. – Вот вроде бы демократия, закон позволяет народу выдвинуть хорошего своего представителя в органы власти. А хрен выдвинешь. Ведь можно разве без бутылки такое заявление состряпать? На трезвую голову я бы все это ни в жизнь не накорябал. Да, честно сказать, такие гадские формулировочки и спьяну-то не придумаешь. Это вражеские какие-то формулировочки, старик.

Он достал откуда-то большой мятый носовой платок, с чувством высморкался, поставил на бумаге витиеватую подпись и, как полагалось, рядом вывел имя и фамилию.

В фамилии он и сделал ошибку. Написал лишнюю букву «е». Вместо «Порсев» отчетливо вывел – «Порсеев».

Некоторое время мы молча разглядывали испорченный документ.

– А может, ну его к чертям собачьим, старик, это депутатство? – задумчиво произнес Коля. – На кой оно тебе? Мы на следующей неделе по Косье идем. Речка трудная. Компания хорошая. Отдохнем. Хариуса половим.

Ловля хариуса – это был пунктик Порсева. Раз в месяц он обязательно учил радиослушателей, как ловить хариуса. А еще, подхалтуривая, постоянно публиковал на эту тему статьи в газетах.

– Спасибо, Коля, – грустно ответил я. – В другой раз. Может, в избиркоме ошибку не заметят.

В избиркоме и впрямь бумагу приняли. Начались предвыборные будни. Рассчитывать приходилось только на себя и кучку соратников. Я бродил по квартирам избирателей, рассказывал о себе, раздавал книжки со своими стихами. По ночам расклеивал на стены и заборы агитационные плакаты. Вместе с друзьями пел песни на автобусных остановках и между песнями агитировал голосовать за себя.

В день выборов за меня проголосовало меньше трехсот человек. Это примерно одна сотая избирателей округа. Победил главврач кардиоцентра. Его поддерживала областная власть, у него было очень много денег, а лозунг гласил: «Доверили сердце – отдадим голос».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.